

– Ребенок по имени Юнь Сю, а кота вырастил такого красивого. — Молодой господин, держа в руке белоснежный складной веер из нефрита, сидел у стола и, поигрывая кончиком веера со спавшей на столе белой кошкой, что-то бормотал себе под нос.

Беленький котенок, весь белый как снег и донельзя прелестный, казалось, потерял терпение и замахнулся на него лапой в пустоту, издав весьма свирепый кошачий вопль.

Этот прославленный Наследный принц в мгновение ока расплылся в улыбке, словно помешанный:

– Я ему нравлюсь.

Сун Суйюань, сидевший слева, наблюдал за всем со стороны холодным взглядом, а услышав это, тихонько усмехнулся.

Наследный принц бросил на него сердитый взгляд, снова опустил голову и посмотрел на белого кота преисполненным родительской нежности взором, с уверенностью повторив:

– Я ему нравлюсь.

Наследный принц любил кошек, в этом не было никаких сомнений. Однако, сколько он себя помнил, какие бы кошки ни попадались на его пути — будь то любимцы наложниц из внутренних покоев дворца или бездомные бродяги с улицы, — все они шарахались от него в рассыпную, заведя словно злейшего врага. Это приводило наследника престола в крайнее уныние.

На данный момент это была единственная кошка, которая позволила себя приблизиться и даже «поговорить» с ним.

Сун Суйюань поднес к губам чашку чая и сделал глоток, скрывая вторую усмешку, чем сберег остатки достоинства Наследного принца.

Как назло, белый кот не пожелал подыгрывать: он тут же спрыгнул со стола, сделал легкий прыжок и послушно устроился на коленях у Сун Суйюаня, сложив передние лапки и припав к ним. Никакой робости или чуждости и в помине не было.

Стоило невесомому теплу опуститься на колени, как пальцы Сун Суйюаня слегка замерли.

Наследный принц остолбенел. Он поднял дрожащий палец и указал на парочку — человека и кота:

– Вы, вы...

Сун Суйюань опустил взгляд, встретившись с черными глазами Беленького котенка, напоминавшими дьявольские орехи. В тех глазах царила абсолютная ясность. Одной рукой он подхватил кота, принялся гладить его по голове и произнес, затаив в голосе легкое веселье:

– Кота я забираю, а ты можешь идти.

Шерстка на ощупь оказалась весьма приятной.

В словах Сун Суйюаня не было и следа должного уважения к будущему государю, однако никто из присутствующих не счел это неуместным. Чжоу Минъянь уже привык к подобному. Подавив наигранную драматичность, он постучал складным веером по ладони и громко рассмеялся:

– Я никуда не уйду! Раз уж мне посчастливилось выбраться из дворца, сегодня я останусь на обед.

Эту последнюю фразу он адресовал слуге, стоявшему за спиной Сун Суйюаня.

Суй Мо бросил взгляд на своего господина и, заметив, что тот никак не отреагировал, молча удалился.

В конце прошлого года Суйюань Бог весть где раздобыл знаменитого шеф-повара из Цинчжоу. Тот готовил блюда с кисло-сладким и пряно-острым вкусом, обладавшие совершенно особым ароматом. Чжоу Минъянь однажды отведал их и с тех пор не мог забыть. Теперь же, когда Суй Мо вышел, на лице принца проступило предвкушение.

Сделав глоток чая, он достал из рукава конверт:

– Держи, руководство по уходу за котами.

Сун Суйюань, придерживая кота одной рукой, взял письмо и неторопливо распечатал его.

С наступлением первых летних дней он облачился в струящиеся шелковые одежды и чинно восседал в кресле, а в каждом его движении сквозила природная статность и благородство. Холодный и чистый, как нефрит в горах, стройный и прямой, словно сосна, старший молодой господин Сун был всё тем же прославленным мужем, что и в прежние годы — первый среди юношей Шэнцзина, одаренный блистательным талантом, ослепительный молодой господин, равных которому не сыскать во всем мире.

Сидевший на коленях белый кот ничуть не умалял его великолепия: сам он мудр и проницателен, а кот гибок и подвижен — казалось, так и должно быть.

Чжоу Минъянь посмотрел на эту сцену, и уголки его губ чуть опустились.

Отец-император часто хвалил его за способность разбираться в людях, но Сун Суйюаня он постигнуть так и не смог. Это было первое горькое поражение, которое гордый и знатный наследник престола потерпел от друга практически одного с ним возраста.

Первые восемнадцать лет Сун Суйюань упорно трудился и отличался праведностью, всем сердцем стремясь к знаниям. Он был одним из ключевых столпов того будущего круга сподвижников, который Сын Неба готовил для Наследного принца. Однако в этот год он забросил учебу, решительно отказался поступать на госслужбу, пропадал в винных домах, пристрастился к охоте, и даже самые модные азартные игры в игорных домах Шэнцзина были придуманы не кем иной, как Сун Суйюанем.

Если бы он полностью изменился, это еще куда ни шло, но его манеры и отношение к делам оставались прежними.

Он по-прежнему оставался старшим молодым господином Сун из Шэнцзина — трезвым и здравомыслящим.

Слухи о том, что Сун Суйюань пал и скатился до уровня праздных гуляк, разнеслись повсюду, и некогда близкие друзья из числа молодых талантов один за другим отвернулись от него. Лишь Наследный принц Чжоу Минъянь, с которым они росли вместе с малых лет, да новоиспеченный лучший выпускник столичных экзаменов Ян Чи по-прежнему оставались рядом. И всё же из-за множества предостережений их пути теперь пересекались далеко не так часто, как прежде.

Чжоу Минъянь прибыл сегодня, чтобы доставить кота по поручению наследника герцога Чжэньго Юнь Сю, находившегося на Северо-Западе. Тот просил привезть кота, отправленного им из столицы за тысячи ли, чтобы животное наслаждалось столичной роскошной жизнью, и Чжоу Минъянь сразу же вспомнил о Сун Суйюане.

Покончив с официальной частью визита, Чжоу Минъянь легонько постучал складным веером и как бы между прочим завел разговор:

– Ян Вэйцин в этом году сдал экзамены на звание лучшего ученика, а на днях ездил в Монастырь Юаньгуан возблагодарить богов за исполнение желаний и вернулся со словами, что виды в обители всё те же.

В прежние годы в монастыре вымаливали должности не только Ян Чи, но и Сун Суйюань. Теперь же чьи-то желания исполнились, а от былых времен остались лишь воспоминания.

Неужели Сун Суйюань и впрямь может всё отпустить?

Словно не уловив скрытого подтекста слов Наследного принца, Сун Суйюань с улыбкой сложил листок бумаги:

– На горе Саньхуа сейчас самая прекрасная пора в году. Как раз кстати мое новое поместье расположено у самого подножья горы, в ближайшие дни я смогу съездить туда на побывку и позволю А Яню полюбоваться пейзажами столичных окрестностей.

Монастырь Юаньгуан находился на горе Саньхуа.

Своим ответом он давал понять, что продолжать этот разговор не намерен. Чжоу Минъянь не стал упорствовать и послушно сменил тему, лишь недоуменно переспросил:

– А Янь?

Сун Суйюань вернул исписанный листок, жестом предлагая тому ознакомиться с ним самостоятельно, а сам, убрав сильные и изящные пальцы, зацепил ими две передние лапы А Яня и принялся с ними играть. Белый кот А Янь вел себя у него на коленях на редкость покладисто, даже перевернулся на спину — полная идиллия.

Наследный принц развернул послание. Первая колонка была выведена размашистым кутхаусом: А Янь — кот божественный, а следом шло: Всё в пищу годно, всюду путь открыт... Короткое письмо с трудом поддавалось прочтению, но в воображении отчетливо вставал образ безудержного юноши, который лично и неоднократно напутствовал адресата кормить и баловать его питомца на славу.

Чжоу Минъянь: «.....»

Нынче мало кто позволял себе столь пренебрежительно относиться к этикету, и содержание письма превзошло все ожидания обоих.

Вспомнив размашистый, дикий и неразборчивый почерк на бумаге, Сун Суйюань искренне улыбнулся и произнес:

– Наследный князь Юнь... неплох.

Детская простота, чистая и наивная.

Услышав это, Чжоу Минъянь взглянул на него, убеждаясь, что в его голосе нет ни капли язвительности — лишь искренность. Наследный принц аккуратно сложил письмо, одобряюще кивнув:

– Юнь Сю, конечно же, хорош. В нем есть та наивная чистота, которую днем с огнем не сыщешь в Шэнцзине.

Смотрите-ка, Сун Суйюань по-прежнему оставался тем же проницательным Сун Суйюанем.

Ему хватило одного лишь руководства по уходу за котом, чтобы разглядеть истинный характер человека.

Сун Суйюаню было не занимать ума, но на сей раз принц действительно заблуждался.

В прошлой жизни, после того как герцог Чжэньго, носивший титул грозного великого генералиссимуса, вместе со своей супругой бесследно исчезли, их единственный сын Юнь Сю взял под свое командование отряд легкой кавалерии и в первом же сражении наголову разгромил Ханъи. К сожалению, офицер, принявший командование армией, оказался бездарен, а среди солдат поползли зловещие слухи, и храбрый юноша бесследно сгинул — до самой смерти Сун Суйюаня о нем не было никаких вестей.

Ныне же наследный князь еще не ступил на ратную стезю, а чета герцога Чжэньго, судя по всему, вовсе не желала, чтобы сын шел по стопам отца, позволяя дурной славе слабого и взбалмошного юноши преодолеть тысячи ли и докатиться до Шэнцзина.

Сун Суйюань просто-напросто уже знал о том молодом генерале.

Стоило Чжоу Минъяню завести речь о своем двоюродном брате, как в его арсенале нашлось немало похвал, и Сун Суйюань на удивление терпеливо выслушал его. Ни один из них не заметил, как прекрасный белый кот на ладони Сун Суйюаня подобрал лапки, а его круглые глаза выразили вполне человеческое самодовольство.

Воодушевившись разговором, Чжоу Минъянь зазвал Сун Суйюаня сыграть в партию, а Суй Мо, получив распоряжение, подал обоим свежий чай.

Аромат нового чая отличался от прежнего. Чжоу Минъянь тщательно принюхался и наконец прервал свои дифирамбы, задумчиво покачивая чашку в руке:

– Вкус густой, оставляющий сладковатое послевкусие... Что это за чай?

– Инъчжи, – неторопливо сделав ход, ответил Сун Суйюань. – Этот чай родом из Наньсюани. Те партии, что попались мне в начале года на чайном рынке, были неважного качества, но сам вкус примечателен. В твоей чашке — свежий чай, который я попросил привезти торговый караван.

Наньсюань лежал на юго-западе Великого Чу. Его земли славились высокими горами, густыми лесами и невыносимой духотой и влажностью. Выживать там простому люду было тяжело, зато условия идеально подходили для роста лекарственных трав и чайных деревьев.

Чай Инъчжи был новой разновидностью. Он не входил в число прославленных сортов, устаивавшихся звания дани императорскому двору, но его чистый и густой вкус снискал широкую популярность среди простого народа еще в прошлой жизни.

Император Жуйвэнь, взойденный на престол в прошлой жизни, не слишком увлекался чайной церемонией. Под манипуляциями определенных лиц чай Иньчжи превратился для них в инструмент обогащения: он не только набил их карманы, но и подпитал амбиции Наньсюани. В результате, когда Великое Чу столкнулось с внутренними смутами и внешними угрозами на севере, Наньсюань воспользовался моментом и захватил три южные заставы.

Сидевший перед ним наследник престола был до боли похож на нынешнего Сына Неба — как страстью к чаю, так и своими амбициями. Сделав несколько тихих ходов, Чжоу Минъянь вдруг заговорил неопределенным тоном:

– Чай Иньчжи весьма хорош, ему подобало бы принадлежать Великому Чу.

Наньсюань признал власть Великого Чу сорок лет назад и пользовался поддержкой императорского двора, а торговые связи между простолюдинами не прерывались. Быть может, прошло слишком много времени, и новый правитель Наньсюани позабыл о былой грозной славе государя, возомнив, что окреп крыльями, а потому нетерпеливо вознамерился провозгласить себя независимым императором, то и дело устраивая мелкие пакости в последнее время.

Согласно законам Великого Чу, чай Иньчжи в первую очередь должен был заявляться Наньсюанем ко двору, и лишь после оценки министерства финансов решался вопрос о том, дозволена ли частная торговля между народом и каков будет ее порядок. Бывало и так, что император обращал внимание на новинку, и тогда она шла исключительно к царскому столу. При любом раскладе Сун Суйюань никак не мог приобрести этот чай на чайном рынке или через торговый караван.

Сун Суйюань не стал отвечать, опуская взгляд на доску для очередного хода.

Слова были сказаны лишь в качестве намека.

К концу партии Чжоу Минъянь нахмурился, в один миг выходя из серьезного состояния. Он швырнул черную пешку обратно в чашу, поднялся, направляясь к выходу, и крикнул наружу:

– Суй Мо, я проголодался!

Сун Суйюань даже не обернулся ему вслед, а лишь невозмутимо сделал завершающий ход, решивший исход партии.

На игровой доске перед ним представал молодой человек, полный кипучей энергии, совершенно не умеющий ничего скрывать — полная противоположность его собственному стилю.

Наследный принц вполне оправдывал звание старшего сына императора и императрицы Юнь, в

чьё воспитание те вложили столько сил и на коего возлагали столь грандиозные надежды. Пусть он пока еще молод, но в нем уже проступали черты государя, способного удержать страну. Обратившись к страницам истории, трудно было отыскать наследника, равного Чжоу Минъяню. Пока его не постигнет случайная гибель, и пока он, обладая знанием о потрясениях грядущего десятка лет, будет изредка давать тому подсказки, величие Великого Чу продлится еще по меньшей мере на сотню лет, а простой народ избежит участи скитаться в нищете.

Тогда его нынешняя жизнь не пропадет даром.

В прошлой жизни Сун Суйюань пережил утрату близких и друзей, уходивших один за другим, вел борьбу с имперской властью и противостоял влиятельным кланам. Истощенный душой и телом, он воспринимал смерть не как неисполнимое сожаление, а как долгожданное избавление.

Прошлая жизнь была полна надрыва и изнуряющей усталости, а потому, получив второй шанс, он твердо решил держаться подальше от императорского двора и предаться вольной жизни по своему умыслу.

Хотя связь с Наследным принцем не оборвалась, он избегал обсуждения государственных дел, лишь изредка позволяя себе туманные намеки.

Точно так же, как сегодня с чаем Иньчжи.

Сун Суйюань на мгновение прикрыл глаза, а затем вновь открыл их. В комнате не было ни души, и он позволил себе предаться думам о Великом Чу, о Наньсюани, о Ханьи. Его вкрадчивые и ленивые персиковые глаза постепенно стали непроницаемо глубокими, пока правая рука бессознательно продолжала гладить кошачью голову.

Беленький котенок А Янь, досмотревший партию до середины, уснул у Сун Суйюаня на коленях. Потревоженный тяжеловатым движением по макушке, он проснулся и с недовольством задрал круглую голову.

А затем... шерсть у кота встала дыбом.

Этот человек внушал ему странное чувство — казалось, он до боли напоминает его хитрого и коварного отца. Коты больше всего на свете боялись подобного.

Когда Чжоу Минъянь вернулся вместе с угощениями, он услышал лишь то, как потревоженный поглаживанием А Янь издал в его сторону:

– Ау!

В кошачьем вопле слышался и гнев, и страх.

Раздумья Сун Суйюаня прервались. Сохраняя невозмутимость, он впитал происходящую картину и, понимающе поддержав ладонью Беленького котенка, повернул лицо к замершему Чжоу Минъяню и мягко произнес:

– А Янь проголодался?

Чжоу Минъянь обернулся: следом за ним шла служанка, неся поднос с рыбой.

Замешкавшись на секунду, Чжоу Минъянь, только что принявший желаемое за действительное и решивший, что кот разговаривает с ним, вновь расплылся в улыбке, делая вид, будто ничего не произошло, и с любопытством посмотрел на котенка:

– А Янь издает такие звуки — это северо-западный диалект?

Такое твяканье с первого же звука выдавало в нем непростого кота.

А Янь уперся лапкой в красивое лицо Сун Суйюаня, сокращая дистанцию, и повторил свое:

– Ау-у!

Кот требует сменить человека!

Кот ошибся, нечего было поддаваться на чары этой внешности, кот только что сбежал из лап отца-деспота.

Сун Суйюань позволил мягким подушечкам опереться о свою щеку, зажал двумя пальцами кошачью мордашку А Яня, разворачивая к себе лицом, и со смешинкой в глазах поддразнил:

– Раз уж А Янь так сильно меня любит, значит, Его Высочество не зря старался, отправляя его сюда.

Мягкие маленькие лапки легко легли ему на щеку — со стороны и впрямь казалось, что это любовь.

На самом деле всё обстояло иначе: Сун Суйюань отчетливо чувствовал, как малыш изо всех сил откидывает голову назад, а в лапки вкладывает немалую силу, выражая крайнее сопротивление.

Пока он забавлялся с котом, не дождавшись никакой реакции от А Яня, Чжоу Минъянь первым издал пренебрежительное «тц».

С легкой ноткой зависти.

Сун Суйюань с улыбкой наблюдал, как наследник занимает свое место за столом, не заметив, как выражение мордочки прильнувшего к нему котенка вдруг стало одурманенным.

Только что, когда их лица сошлись совсем близко, этот человек по имени Сун Суйюань обладал столь безупречной внешностью, а его глаза — когда он не улыбался, они были горды и чисты, как лунный свет, а когда улыбался, то источали мягкое весеннее тепло. Зрачки кота незаметно расширились до круглоты, выдавая всплеск возбуждения.

«Ах, – подумалось А Яню, – до чего же хорош, небось не обидит кота».

<http://bllate.org/book/24809/2934715>